

СЛОВО,

сказанное на заупокойной литургіи въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ день погребенія заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи В. Ѡ. Пѣвниціаго, 16 іюля 1911 года.

Блажени мѣртвіи, улирающіи о Господѣ откынь. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними“ (Апок. XIV', 13)

Смерть людей почти всегда вызываетъ въ тѣхъ, кто видитъ её, чувство скорби, страха, ужаса, даже содраганія. Минута смерти,—минута страшная, поражающая душу. Душу умирающаго человѣка смущаетъ подлежащій ей невѣдомый путь, новый образъ жизни и разлученія съ тѣломъ, съ которымъ она была соединена и которое ей служило. Не одніи только тѣлесныя страданія испытываетъ умирающій человѣкъ. Въ часъ смерти трепещетъ живая душа человѣческая, чувствуя свое невольное, быстрое приближеніе къ вѣчности. Въ трепетѣ она силится какъ будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе её ожидаютъ; она стремится какъ будто овладѣть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти смертный путь.

Таковъ смертный часъ громаднаго большинства людей. Очень рѣдко, но бываютъ примѣры иной кончины людей,—кончины тихой, спокойной, мирной, если и не безболѣзнен-

шой, что невозможно, при противоестественности самого существа смерти, то, по крайней мѣрѣ, не страдальческой.

Мнѣ, недостойному и одному изъ младшихъ уже, весьма многочисленныхъ, считаемыхъ тысячами учениковъ славнаго и приснопамятнаго профессора, нынѣ погребаемаго нами, Господь Богъ судилъ стоять близко къ почившему учителю въ послѣдніе годы его академической службы. Господь даровалъ мнѣ, кромѣ того, еще ббольшую милость, поставивши меня близко къ почившему въ самые послѣдніе дни и даже часы его болѣзни. И я, не обвиняясь, при открытомъ гробѣ приснопамятнаго учителя, свидѣтельствую, что его кончина была, по человѣческому наблюденію и разумѣнію, истинно-христіанская, добрая, мирная, тихая, не страдальческая. Его кончина была близка къ той именно кончинѣ, которой наша церковь всегда просить у Бога каждому изъ христіанъ—добрая, мирная, непостыдная,—такая, какой каждый христіанинъ долженъ желать себѣ. О кончинѣ нашего приснопамятнаго учителя именно можно сказать словами св. тайнозрителя: *„блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ“!*

Въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго. Все, что совершается въ жизни человѣка, имѣетъ свою причину и сопровождается неизбѣжными послѣдствіями. Не случайна и та исключительная обстановка, при которой совершилась кончина приснопамятнаго и дорогого нашего учителя. Кончина его явилась только достойнымъ завершеіемъ всей его жизни. Его жизнь была непрерывнымъ подвигомъ труда и благочестиваго настроенія. Какъ къ подвигу, почившій заранѣе готовился и къ своей смертной кончинѣ.

Сравнительно продолжительная жизнь почившаго была именно подвигомъ. Начавшись съ раннихъ лѣтъ крестомъ круглаго сиротства, бѣдности, скромности, она осталась такою же и до конца своего. Почившій сознательно и убѣжденно смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на подвигъ, указанный ему Самимъ Провидѣніемъ. Въ день своего пятиде-

сятилѣтняго юбилея, отвѣчая на задушевныя привѣтствія академической корпораціи, почившій говорилъ, между прочимъ, такъ: „я всею душею преданъ былъ Академіи. Что поручалось мнѣ Академіею, на это я смотрѣлъ, какъ на *святой домъ*, нарушеніе котораго не позволяла мнѣ моя совесть... Когда случалось со мною недомоганіе, я, переспливая себя, *спышши въ Академію для исполненія своего дома*,—спышшилъ потому, что мнѣ тяжело было оставаться дома, когда служебныя обязанности зовутъ меня въ Академію“¹⁾. Вотъ что давало почившему силу, энергію и крѣпость для столь напряженной, непрерывной, сильной, исполненной великихъ трудовъ и заслугъ, дѣятельности, какую явилъ въ своей жизни приснопамятный нашъ учитель! Вотъ гдѣ объясненіе того колебанія и даже нежеланія прекратить свою профессорскую службу въ то время, когда, по обыкновеннымъ человѣческимъ соображеніямъ, это должно было совершиться!

Какова была жизнь почившаго, такою же явилась и его кончина. Привыкшій всего достигать личнымъ трудомъ, старавшійся ко всему въ жизни—и великому и малому—готовиться дѣятельно, почившій нашъ учитель заранѣе приготовился и къ смертной своей кончинѣ. Когда я въ день смерти, утромъ, по обыкновенію, навѣстилъ больного, то онъ встрѣтилъ меня также обыкновеннымъ словомъ: „я *умираю*“. Когда я пытался отвлечь вниманіе больного въ другую сторону, выразивъ надежду на то, что Господь еще продлитъ дни его жизни, умирающій, съ глубокимъ вдумчивымъ взглядомъ лица, сказалъ: „я *уже готовъ къ смерти*. Помолитесь обо мнѣ“.

Да, почившій готовился и былъ готовъ къ смерти. Оттого-то Господь и послалъ ему такую тихую и блажен-

¹⁾ См. Пятидесятилѣтній юбилей заслуженнаго ординарнаго профессора Киевской духовной Академіи Василя Феодоровича Пѣвницкаго. К. 1905 г., стр. 29.

ную христіанскую кончину. „Блажени мертви, умирающии с Господѣ“.

Сравнительно легко, скорѣ и незамѣтенъ былъ переходъ почившаго нашего учителя и собрата изъ этой жизни въ загробную еще и потому, что для него смертный путь освѣщался яркимъ свѣтомъ вѣры въ жизнь загробную и въ будущее воскресеніе мертвыхъ Ущедренный отъ Своего Небеснаго Творца богатыми талантами, отличавшійся глубокимъ знаніемъ основъ христіанской вѣры, почившій живо, ясно представлялъ себѣ эту жизнь, которая открывается для христіанина послѣ смерти я въ которую онъ крѣпко вѣровалъ. Сомкнулись нынѣ и молчатъ златыя уста незабвеннаго краснорѣчиваго учителя, который не только самъ вѣрилъ въ загробную жизнь, но и другихъ просвѣщалъ относительно вѣры въ нее. Мы позволяемъ себѣ здѣсь, при открытомъ гробѣ почившаго, въ присутствіи, вѣрять, его безсмертнаго духа, повторить слова незабвеннаго нашего учителя о загробной жизни, въ которую онъ самъ только что перешелъ. Пусть слова лежащаго безмолвно въ гробу нашего учителя еще разъ огласятъ сей св. храмъ и сію кафедру, съ которой столько разъ раздавалось его живое и краснорѣчивое слово. „Темныя чаянія нашего сердца“, говорилъ почившій нашъ учитель, „освѣщаетъ и утверждаетъ вѣра, свыше намъ данная, проливая лучи свѣта въ мрачную, безотрадную область смерти. Она, эта вѣра, свыше намъ данная,—говоритъ намъ, что могила не будетъ вѣчнымъ ложемъ нашимъ. Настанетъ часъ, когда глго наше, величнемъ Божиимъ, снова воспрянетъ, и воскреснетъ къ лучшей, нескончаемой жизни. Богъ смерти не сотворилъ (говоритъ исповѣнный вѣры Премудрый), и не радуется гибели живущихъ. Для жизни, для бытія Онъ создалъ все, и не погибнетъ ничто изъ созданнаго Имъ. Нѣтъ губительнаго яда, нѣтъ царства ада на землѣ. Богъ любитъ все существующее и все сохранить (Прем I, 13—14, XI, 25) ¹⁾“.

¹⁾ См проф В Ѡ ПѢВНИЦКАГО О воскресеніи мертвыхъ К 1904 г.,

Такъ вѣрять почившій, такъ учить другихъ этой вѣрѣ въ загробную жизнь, такую вѣрою своею онъ руководился въ своей жизни. Сею же вѣрою и во имя ея онъ и готовился къ своему смертному часу, который потому и былъ такимъ мирнымъ, безмятежнымъ. „*Блаженнi мертви, умираюци о Господѣ*“.

Вѣрующую душу почившаго не смущали несколько и такія явленія, которыя многихъ легковѣрныхъ предполагають колебаться и сомнѣваться относительно возможности воскресенія мертвыхъ. Въ самомъ тѣлѣ и въ разрушеніи человѣческаго тѣла онъ прозрѣвалъ свою вѣрою признаки несомнѣннаго будущаго воскресенія. Выслушайте, возлюбленные—родные, ученики, друзья и почитатели почившаго, безсмертныя слова нашего дорогого учителя объ этомъ. „Но какъ же это будетъ, когда тѣло умершаго не даетъ никакихъ задатковъ, никакихъ признаковъ будущаго обновленія? „Умершій, скажешь, гниетъ и тлѣетъ, и превращается въ прахъ и пепелъ?“ „Что же изъ этого, возлюбленный (будемъ говорить словами святителя Іоанна Златоуста)? По этому самому и надобно особенно радоваться. Тотъ, кто хочетъ перестроить развалившійся и ветхій домъ, напередъ выводитъ изъ него живущихъ, потомъ разрушаетъ этотъ домъ, и снова воздвигаетъ въ лучшемъ видѣ. Выведенные не скорбятъ объ этомъ, а еще радуются; потому что обращаютъ вниманіе не на видимое разрушеніе, но воображаютъ будущее, хотя еще невидимое зданіе. Такъ и Богъ разрушаетъ наше тѣло, намѣреваясь создать его снова, и сперва выводитъ живущую въ немъ душу, какъ бы изъ нашего дома, дабы потомъ, воздвигнувъ его въ лучшемъ видѣ, опять ввести въ него душу съ болѣею славою. Будемъ же обращать вниманіе не на разрушеніе, а на будущую славу... Итакъ, видя умершаго, не на то смотри, что онъ сомкнулъ глаза и лежитъ безгласнымъ, но на то, какъ онъ воскреснетъ и получитъ неизъяснимую,

изумительную и дивную славу, и отъ настоящаго вѣшняго вида возведи помыслы къ надеждѣ будущаго¹⁾... Вотъ какую крѣпкую, непоколебимую увѣренность въ будущемъ общемъ и своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ имѣлъ почившій! Эта увѣренность давала ему крѣпость и силу бороться съ предсмертнымъ недугомъ. Она же умиротворила и самую кончину его. *„Блаженіи мертвіи, умираюшій о Господѣ“.*

Хочется вѣрять, что скорбь смертная, скорбь, обусловленная необходимостью расставаться съ жизнью, которую такъ любилъ почившій, разлучиться съ дѣтьми, родными, друзьями, облегчалась и умѣрлялась для почившаго его надеждою видѣться и въ будущей жизни со многими своими родными и друзьями, упредившими его на смертномъ пути. Мы вѣримъ, что бессмертный духъ почившаго нынѣ уже достигъ и получилъ то, чего такъ живо ожидалъ, на что онъ такъ сильно надѣялся при жизни. Послушайте, возлюбленные, какъ представлялъ себѣ почившій нашъ учитель, при жизни, то, что духъ его сейчасъ на самомъ дѣлѣ испытываетъ. „На основаніи обѣщанія Господа, святые отцы съ полною вѣрою говорятъ о томъ, что, по смерти, мы будемъ видѣться съ близкими намъ. „Невидѣвшіе здѣсь другъ друга (говорить св. Ефремъ Сиринъ) увидятся тамъ,—мать узнаетъ, что это ея сынъ, и сынъ узнаетъ, что это его мать“. „Мы здѣсь находимся временно (говорить другой святой отецъ,—священномученикъ Кипріанъ). Будемъ благословлять день, который каждаго изъ насъ приводитъ къ собственному его жилищу, который, восхитивъ насъ отъ земли и разрѣшивъ отъ мірскихъ узъ, возвращаетъ насъ въ рай и въ царство небесное. Кто, находясь въ чужой сторонѣ, не спѣшилъ бы въ отечество? Кто, послѣщая на корабль къ своимъ, не желалъ бы пламенно попутнаго вѣтра, чтобы скорѣе можно было обнять своихъ друзей?... Насъ ожидаетъ тамъ вели-

¹⁾ См. тамъ же, стр. 6—7.

кое множество любезныхъ намъ,—ждеть многочисленный сонмъ родителей, братьевъ, дѣтой, кои, не страшась уже за свою безопасность, заботятся еще о нашемъ спасеніи. Увидѣть ихъ,—обнять ихъ,—о, какая это радость для нихъ и вмѣстѣ для насъ“¹⁾

Вотъ какъ вѣровалъ и воли чего ожидалъ огь загробной жизни почившій нашъ учитель. Погону-то такъ быстро, какъ легко и тихо духъ его переселился въ загробную жизнь. Попсгинъ „блажени мертви, умирающии о Господь“¹⁾

Господь благослови въ почившаго маститую старостію, долгодѣиельемъ. Въ виду его возраста, кончины его могли ожидать близкіе ему во всякое время. И однако, не смотря на это, когда слово врача рѣшительно было произнесено, когда смерть почившаго стала очевидною, скорбь неволью овладѣла душой близкихъ къ нему. И сейчасъ жаль, глубоко жаль, что позабвенный, дорогой нашъ учитель почилъ и его нѣтъ между нами. И если намъ, толькo близкимъ, по духу, къ почившему, жаль его, то какую же печаль должны чувствовать кровные родные его? Что же можемъ мы сказать вамъ, дѣти, внуки, братья нашего учителя? Чѣмъ облегчимъ мы вашу естественную скорбь? Ничѣмъ, возлюбленные, какъ толькo напоминаніемъ вамъ собственныхъ словъ дорогаго вамъ лица. Какою бодростію, какою вѣрою дышутъ слова его, коими онъ совѣтовалъ при жизни утѣшать осиротѣвшее семейство. „Смерть похитила у него“, говоритъ онъ, „дорогаго человека, въ которомъ оно гишилось опоры жизни своей, защитника и кормильца своего. Нельзя не пожалѣть о немъ, но не оплакивайте его безъ мѣры. Богъ лучше насъ знаетъ, когда, въ какой день и часъ воззвать къ себѣ изъ среды живыхъ того или другаго изъ насъ. Онъ взялъ къ себѣ дорогаго для васъ человека, какъ зрѣлую пшеницу, во время жатвуютъ, и посечить его въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни

¹⁾ См. В. Ф. Швинцкаго О загробной жизни К. 1903 г., стр. 46

болѣзней, ни печалей, ни воздыханія. А кто знаетъ, что было бы съ нимъ, если бы дальше продолжалось его странствованіе на землѣ? Можетъ быть, Господь преждевременною, на вашъ взглядъ, смертію спасалъ его отъ долгихъ дней мучительной болѣзни, ему угрожавшей, отъ многихъ золь и преткновеній, которыя бы сдѣлали печальною и тяжелою жизнь его“¹⁾..

Да будетъ для васъ, родныхъ почившаго, утѣшеніемъ еще то, что въ лицѣ отца, брата, дѣда вамъ Господь даровалъ такого добраго, любвеобильнаго, славнаго и всѣми уважаемаго человѣка.

А теперь послѣднее слово къ тебѣ, дорогой учитель, будетъ отъ меня. Ты незаслуженно и особенно возлюбилъ меня. Ты много добраго, истинно отеческаго сдѣлалъ для меня. Не моя любовь и преданность къ тебѣ привлекла ко мнѣ твое расположеніе. Нѣтъ, ты былъ добръ и снисходителенъ ко мнѣ только какъ къ своему ученику, только какъ къ питомцу дорогой для тебя Кіевской Академіи. Отъ своего лица, отъ лица семьи своей и отъ лица всѣхъ, всѣхъ многочисленныхъ, повсюду разсѣянныхъ твоихъ учениковъ, приношу тебѣ искреннюю благодарность и земной поклонъ. О, если бы Господь помогъ намъ навсегда и неизмѣнно сохранить въ душѣ твой добрый образъ и молитвенную память о тебѣ!

Господи, ушокой душу нашего учителя въ царствѣ небесномъ! Господи, пріими нашего дорогого учителя въ твои обители! Господи, помилуй и спаси душу раба твоего усопшаго Василія!

Прот. О. Титовъ.

¹⁾ См. его же. Христіанскій взглядъ на скорби и страданія, насъ постигающія. К 1902 г., стр. 26.